
О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ¹

*В.Н. Иванов, Ю.В. Овсиенко,
Н.Н. Сухова*

Сопоставлены особенности социального и экономического развития СССР и современной России. Показано, что в СССР темпы роста экономики были выше, а уровень дифференциации доходов населения – существенно ниже, чем в постсоветской России. Выявлены причины, сводящие на нет возможности научно-технической модернизации в России, причем результаты уже проводимой институциональной модернизации оказались негативными.

Ключевые слова: демократические и авторитарные общества, социальная справедливость, экономическая динамика, институциональные барьеры российской модернизации, коррупция, права человека.

ВВЕДЕНИЕ. ДВА ТИПА МОДЕРНИЗАЦИИ

Такие разновидности человеческих обществ, как государства, представляют собой сложнейшие образования, в которых существует развитая, многоаспектная иерархия коллективов, причем внутри каждого из них действует иерархия сотрудников. Взаимоотношения между коллективами в разных странах

существенно различаются – от жесткого подчинения нижних уровней высшим до свободы коллективов и отдельных лиц, ограниченной рамками, диктуемыми действующими институциональными нормами.

Эти два крайних случая с известной долей условности можно назвать соответственно «авторитарными» и «демократическими» системами общественного устройства. Между ними существует спектр промежуточных форм. История показывает, что примеров движения первых в сторону вторых не так уж много, несмотря на то, что большая часть населения Земли в течение многих веков ведет далеко не всегда успешную борьбу за равные права всех людей на планете.

В большинстве социально-экономических систем с той или иной интенсивностью происходят процессы модернизации. Можно различать две основные формы модернизации: научно-техническую (технологическую) и социально-экономическую (институциональную). Цель научно-технической модернизации – обеспечение выхода страны на передовые рубежи технического развития. Конечной целью социально-экономической модернизации является изменение государственного устройства общества, его институциональной системы, в первую очередь в таких направлениях, как развитие институтов демократии, обеспечение высокого уровня благосостояния всего населения, а не отдельных социальных групп, находящихся у власти, справедливое распределение доходов, уважение неотъемлемых прав и свобод каждой личности, демократический характер формирования органов управления всех уровней. Весьма важно в этой связи создание реальной, а не фиктивной многопартийной политической системы, способной быстро и безболезненно менять руководство страны, если прежнее не сумело выполнить своих предвыборных обязательств. Такая социально-экономическая модернизация создает стимулы для модернизации научно-технической.

Исторический опыт свидетельствует, что в демократических государствах, где про-

© Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Сухова Н.Н.,
2011 г.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-02-00030а).

цесс социально-экономической модернизации осуществляется постоянно и интенсивно, причем прежде всего в направлении развития и укрепления в обществе принципов социальной справедливости, столь же постоянно происходит и научно-техническая модернизация. В них инновации обычно достаточны для того, чтобы обеспечивать передовой уровень технического развития страны и его непрерывное совершенствование.

Иное дело, если технологическую модернизацию пытаются осуществить в рамках социально несправедливой институциональной системы². Деятельность властной верхушки (высших чиновников и олигархов), для обозначения которой более всего подходит советское наименование «номенклатура», направлена прежде всего на сохранение status quo и действующей институциональной системы, а, значит, и на то, чтобы права и доходы всех остальных социальных групп и впредь оставались урезанными.

Основные проблемы, рассматриваемые в настоящей работе, касаются ответа на вопросы о том, каковы особенности формирования институциональных систем в демократических и авторитарных обществах, как они влияют на социально-экономическую динамику, включая направления развития процессов институциональной и технологической модернизации, и в конечном счете – на социально-экономическое положение населения.

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

С точки зрения общественного устройства и СССР, и постсоветскую Россию можно отнести к авторитарным государствам. При

² Определение понятий социально справедливой и несправедливой институциональной системы см. в (Иванов и др., 2008).

этом в истории СССР наблюдались периоды как очень быстрого экономического роста, так и его замедления и стагнации экономики, особенно на закате истории страны. Несмотря на три разрушительные войны (Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная), по основным показателям развития экономики, представленным официальной статистикой, СССР уже в 1960-е гг. занимает одно из ведущих мест в мире. При этом по темпам роста продукции промышленности в 1960–1970-е гг. СССР опережал США.

В 1980-е гг., однако, темпы роста экономики СССР существенно замедлились, а к концу десятилетия стали отрицательными, это означает, что экономика перестала быть эффективной. Такая резкая смена экономической динамики объяснялась как усилившимися к этому времени пороками институциональной системы, так и рядом других причин. Одним из основных недостатков советской институциональной системы было практически полное огосударствление экономики и сверхцентрализация управления. Неэффективность такой системы стала отчетливо проявляться при значительном усложнении структуры экономики страны.

Одной из причин неэффективности стал рост коррупции и присвоения государственных средств представителями как хозяйственной, так и партийной номенклатуры. В отдельных отраслях экономики и регионах страны это явление приняло массовый характер. В первой половине 1980-х гг. государственному аппарату отчасти удалось исправить положение в этой области, проведя расследование ряда громких уголовных дел и применив к виновным жесткие санкции (Узбекистан, московская торговля, рыбное хозяйство). Однако несоответствие сложившейся институциональной системы усложнившейся структуре экономики сохранилось; у номенклатуры сохранились и побудительные мотивы расширять коррупцию и дальше присваивать государственную собственность.

Существенное замедление темпов экономического роста, особенно в гражданских

отраслях промышленности, объяснялось и рядом других причин. Во-первых, жестким соперничеством с США за мировое лидерство, в ходе которого СССР оказывал щедрую помощь режимам ряда стран, начал бесперспективную войну в Афганистане, участвовал в нарастающей гонке вооружений. При этом, в отличие от США, передовые технологии, разрабатываемые в военно-промышленном комплексе СССР, вследствие такого элемента институциональной системы, как режим сверхсекретности, не имплантировались в гражданский сектор экономики, что значительно замедляло его модернизацию и рост производительности труда.

Важным фактором быстрого роста экономики СССР в 1960–1970-е гг. стало освоение богатых нефтяных и газовых месторождений Тюменской области. В результате в 1980 г. добыча нефти в СССР увеличилась по сравнению с 1960 г. более чем в 4 раза (с 148 млн до 603 млн т), а газа – почти в 10 раз (с 45 млрд до 435 млрд м³). Это позволило СССР не только значительно увеличить энергопотребности народного хозяйства, но и стать одним из ведущих мировых экспортеров энергоресурсов, что привело в то же время к возникновению зависимости экономического роста от динамики мировых цен на них. В начале 1980-х гг. цены на нефть стали снижаться, а во второй половине 1980-х гг. произошел их резкий обвал: так, цены на экспортируемую СССР нефть Urals только за период с 1986 по 1989 г. упали почти в 2 раза – с 28,2 до 14,6 долл. за баррель. Это стало одной из главных причин возникновения внешнеторгового дефицита: по данным Госкомстата СССР, сальдо внешней торговли, составлявшее в 1987 г. +7401 млн р., упало до –9971 млн р. в 1990 г.

Резкое ухудшение условий функционирования советской экономики во второй половине 1980-х гг. в значительной степени было обусловлено объявленной новым руководством страны так называемой «перестройкой». Вместо постепенных, проводимых лишь после всестороннего анализа возможных последствий как планируемых, так и фактиче-

ских результатов преобразований институциональной системы руководством страны принимались поспешные и явно необдуманные решения. Одним из таких решений стала известная антиалкогольная кампания. В ходе ее проведения вырубались виноградники и сады, значительно выросли масштабы злоупотреблений в торговле и объемы самогонварения, а поступления в государственный бюджет налога с оборота – одной из главных доходных статей бюджета – сокращались. Последнее – наряду с сокращением доходов от внешнеэкономической деятельности – стало одной из причин возникновения во второй половине 1980-х гг. дефицита государственного бюджета СССР. Так, если до 1985 г. он исполнялся с профицитом, то в 1988 г. его доходы были на 80,6 млрд р., или почти на 20%, меньше расходов. Дефицит бюджета стал основным фактором роста государственного внутреннего долга, величина которого достигла в 1990 г. 566,1 млрд р., или 56,6% ВВП.

Резко негативное воздействие на экономическую динамику оказало и другое принятое «перестройщиками» решение – проведение денежной реформы, заключавшейся в переходе от двухвалютной системы денежного обращения (наличные и безналичные рубли) к одновалютной. Бывшие безналичные рубли, ранее обращавшиеся только в сфере производства, немедленно направились в потребительский сектор. В розничную торговлю хлынула огромная масса денег, в результате с прилавков было сметено буквально все, возникли гигантские очереди. А в сфере производства количество денег резко уменьшилось, что немедленно привело к ухудшению работы предприятий. В первую очередь снизился объем оборотных средств, начались перебои в поставках и соответственно в производстве.

Проведенная «демократизация» политической системы СССР привела к слому существовавшей системы сдержек и противовесов, характеризовавшейся наличием своего рода двух ветвей власти (хозяйственной и партийной – КПСС), не создав новой систе-

мы, обеспечивающей поддержание баланса исполнительной и представительной власти.

Как известно, радикальные реформы российской экономики, или так называемая шоковая терапия, начались с либерализации цен, которая была проведена при огромном превышении объема денежной массы над предложением товаров, вызванном денежной реформой. Простейшее решение – централизованное повышение цен – российское руководство отвергло, видимо, опасаясь массовых протестов. Повышение цен все же произошло, но ему придали видимость научности и объективности: в 1992 г. объявили либерализацию цен. Этот акт, осуществленный безо всякой институциональной подготовки, привел к гиперинфляции, в результате которой произошло обвальное снижение реальных доходов и сбережений населения (Овсиенко, 2007). В том же 1992 г. одновременно начался резкий рост смертности населения, сопровождавшийся падением рождаемости, что привело к депопуляции, которая не преодолена до сих пор.

Под либерализацией цен понимался отказ от централизованного их установления с помощью государственного органа (Государственный комитет по ценам) и переход к свободным ценам, формирующимся на конкурентном рынке при помощи «невидимой руки» Адама Смита. Однако реформаторы не учли важную особенность российской экономики – ее монопольный характер и, как следствие, отсутствие конкуренции в большинстве отраслей. Поэтому формирование цен на многие продукты, ресурсы, услуги как было, так и осталось централизованным. Только место государства, которое, в принципе, обязано учитывать интересы каждой социальной группы, каждой личности не только по трудовому потенциалу, но и с точки зрения права каждого на благополучное существование, воспитание детей, политическую и экономическую свободу, заняли монополии, которые личность рассматривают и учитывают в цене продукции лишь в качестве рядового фактора производства.

Столь же поспешно проведенная либерализация внешней торговли привела к тому,

что запасы продукции, сырья и другие составляющие имущества предприятий, включая активную часть основных фондов, в больших объемах стали продаваться за границу. Показателен в этом отношении тот факт, что прибалтийские страны, промышленность которых не производила цветные металлы, стали в первой половине 1990-х гг. крупнейшими в мире их экспортёрами (реэкспортёрами).

Однако наиболее разрушительными оказались последствия третьего акта реформ – приватизации. Здесь можно выделить ряд главных негативных мероприятий, оказавших и оказывающих вплоть до настоящего времени огромное деструктивное влияние на российскую экономику. К ним относится первичная раздача значительной части общественного богатства «своим», т.е. номенклатуре, предоставление ей же возможности приобретения новой собственности за бесценок, а также получения средств из государственного бюджета. И все это за счет населения – налогоплательщика.

Эти и другие институциональные изменения, инспирированные властью, породили неконтролируемый процесс социальной и экономической деградации общества. В первой половине 1990-х гг. значительно снизились совокупные денежные доходы населения и резко увеличились масштабы их перераспределения. В результате коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% населения с самыми высокими и 10% с самыми низкими доходами) даже по данным официальной статистики вырос за период с 1991 по 1995 г. более чем в три раза. Реальные же масштабы расслоения населения России по уровню доходов были значительно большими. Расчеты, проведенные на основе сопряжения официальных данных макро- и микростатистики доходов, показывают, что истинное значение коэффициента фондов составляло в 1995 г. 25,6, а к концу 1990-х гг. оно приблизилось к 40 (Суворов, 2001). Такой высокий уровень дифференциации доходов характерен лишь для ряда стран Африки и Латинской Америки и превышает уровень дифференциации дохо-

дов населения европейских стран в 5–7 раз. Огромный рост дифференциации доходов в условиях падения совокупных доходов населения (реальные располагаемые денежные доходы населения составили в 1995 г. 59%, а в 1999 г. – 46% уровня 1991 г.) привел к обнищанию большинства населения страны.

Таким образом, реформы, проведенные властью, привели к результатам, противоположным ее ожиданиям или по крайней мере – ее обещаниям. Размеры потерь в результате катастрофы 1990-х гг. значительно превышали не только потери США от кризиса на рубеже 1930-х гг., но и величину ущерба, который принесла СССР Вторая мировая война.

Остановилась большая часть российских предприятий. По сравнению с дореформенным периодом производство промышленной и сельскохозяйственной продукции сократилось почти в 2 раза, а инвестиции в основной капитал – в 4 раза. Депопуляция быстрыми темпами сокращала численность населения. Власти считали или по крайней мере публично декларировали, что осуществленные ими институциональные реформы автоматически превратят экономику в рыночную и начнется ее поступательное развитие, подобно тому, как это произошло в Корее, Сингапуре, Гонконге и ряде других государств. Но этого не случилось.

Общественное устройство России осталось тем же, что и в СССР, т.е. авторитарным. А такие общества, как известно, не способны к саморазвитию, подобно тому, как это происходит в демократических государствах с конкурентной рыночной экономикой. В авторитарных системах развитие происходит по указаниям начальства. При этом руководство СССР сумело сделать экономику эффективной, создающей новые направления развития. Страна добилась существенных успехов, прежде всего в результате конкурентной борьбы российских и зарубежных фирм в ряде таких областей экономики, которые касаются, в первую очередь производства военной техники, включая самолетостроение, атомное и водородное оружие, межконтинентальные ракеты,

обеспечившие к тому же колоссальный прорыв в космических исследованиях, и т.п. При этом темпы роста производства потребительских товаров были низкими.

В постсоветской России все быстро переменялось, причем сразу же после приватизации. Прежде всего исчезла конкуренция. Каждый из малой группы людей, даром получивших богатства на многие миллиарды долларов, начал развиваться сам по себе. Тем более что почти все они занимались исключительно добычей природных ресурсов, качество которых никак не зависит от способов добычи, поэтому используются примитивные технологии. Зато любой олигарх может бросить «недоеденное» месторождение из-за роста затрат на добычу и перейти к столь же хищническому получению высоких доходов на новом месте. В условиях отсутствия конкуренции новые технологии оказались не нужны. Следовательно, раздача природных ресурсов группе «своих» людей ничего не дала ни стране, ни, разумеется, населению, однако олигархам досталось невероятно много, причем без особых усилий.

В 2000-е гг. экономическая динамика в России существенно изменилась. Вплоть до наступления кризиса годовые темпы роста ВВП составляли от 5 до 10%, что позволило восстановить дореформенный уровень экономического развития (в неизменных ценах). ВВП России в 2006 г. впервые за постсоветский период сравнялся с его значением в 1991 г. Вместе с тем реальный сектор экономики так и не достиг дореформенного уровня. Промышленное производство в 2007 г. составило 90% по отношению к уровню 1991 г., при этом произошла серьезная примитивизация его структуры. Так, если в РСФСР в 1990 г. на долю топливной промышленности, электроэнергетики, черной и цветной металлургии приходилось в целом 22% выпуска промышленной продукции, то в 2004 г. эта доля в постсоветской России выросла до 51,5%. За этот же период в общем объеме промышленного производства доля машиностроения и металлообработки снизилась с 30,3 до 18,9%, а легкой промышленности – с 11,9 до 1,1%.

Не удалось восстановить и дореформенный уровень производства сельскохозяйственной продукции (в 2007 г. оно составило 82% по отношению к 1991 г.). Ситуация с инвестициями в основной капитал была еще хуже: их объем в 2007 г. составил всего 69% уровня 1991 г.

Учитывая вышесказанное, следует констатировать, что рост российской экономики в 2000-е гг. был достаточно специфическим. Об этом свидетельствует и структура вклада отраслей экономики в прирост ВВП. Так, вклад производства товаров в прирост ВВП в 2000–2003 гг. равнялся 47%, а в 2004–2007 гг. он сократился до 28%. При этом вклад промышленности в прирост ВВП снизился почти в два раза (с 29,9 до 15,2%), а сельского хозяйства – в три (с 6,5 до 2,2%). Основной вклад в прирост ВВП России в 2004–2007 гг. внесли торговля и операции с недвижимым имуществом – на их долю пришлось около половины общего прироста (Иванов и др., 2011).

Одной из главных причин роста ВДС торговли был высокий уровень торговле-посреднических наценок на углеводороды, поставляемые как на экспорт, так и на внутренний рынок. Происходил, по сути, трансферт части ВДС нефте- и газодобывающей промышленности в торговлю. В результате рост ВВП России в 2000-е гг. в существенной степени был обусловлен бурным ростом мировых цен на углеводороды. При резком их снижении во второй половине 2008 г. рост экономики страны сменился спадом: в 2009 г. ВВП России сократился на 7,9%, промышленное производство – на 9,3; грузооборот транспорта – на 10,1; инвестиции в основной капитал – на 16,2%.

Одной из тенденций в развитии российской экономики стала тенденция к сближению внутренних и мировых цен на углеводороды. В этой связи следует указать на полное отсутствие аргументов в пользу известного тезиса о необходимости выравнивания этих цен с мировыми как условия ликвидации «избыточного» энергопотребления, препятствующего якобы модернизации экономики.

В действительности крайне высокий, экономически необоснованный уровень торговле-посреднических наценок на энергоносители выступает абсолютным ограничителем экономического роста, приводя к завышению цен на электроэнергию, транспортные и коммунальные услуги и препятствуя преодолению сырьевой направленности развития российской экономики, перетоку капиталов из сырьевого сектора в высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности. Высокая наценка характерна для торговли не только энергоносителями, но и другими товарами в результате «накрутки» цен в многозвенной цепочке перепродаж в оптовом секторе. В результате, несмотря на неоднократные заявления правительства о приоритетности задачи снижения инфляции, устойчивой тенденции к ее снижению не наблюдалось. Это касается как потребительских цен, так и цен производителей промышленной продукции.

Из вышесказанного следует, что экономический рост в России в 2000-е гг. не был устойчивым, учитывая высокую волатильность мировых цен на углеводороды. В действительности рост был скорее не реальным, а виртуальным. На последнее обстоятельство указывает и характер роста ВДС операций с недвижимостью, внесшей, как уже указывалось выше, существенный вклад в рост ВВП России в предкризисный период. Рост ВДС этого вида деятельности объясняется в первую очередь спекулятивным ростом цен на недвижимость. Наглядным свидетельством этого является динамика цен строительства и продажи жилья. Размер маржи – разницы между ценой продажи 1 м² жилья и стоимостью его строительства – увеличился в 2007 г. по сравнению с 2003 г. более чем в 4 раза.

Экономический рост в России не мог быть устойчивым и по причине крайне низкого уровня инвестиций в основной капитал. Хроническое недоинвестирование экономики в постсоветский период не только ставит под сомнение возможность ее технологической модернизации, но и создает реальную угрозу разрушения промышленной, дорожной, ком-

мунальной инфраструктуры, постоянного роста числа техногенных катастроф.

Неоправданно низким был при этом объем инвестиций из бюджетных средств, особенно учитывая огромный рост доходов федерального бюджета в предкризисный период за счет поступлений экспортной пошлины на энергоресурсы, т.е. рентных доходов. Эти дополнительные доходы российское государство инвестировало, однако, не в отечественную экономику, а в иностранные ценные бумаги, создав так называемый Стабилизационный фонд. Аналогичное поведение было характерно и для крупных собственников – олигархов. При значительном росте их прибыли в предкризисный период все меньшая ее часть инвестировалась в строительство и модернизацию предприятий в России и все большая часть – в покупку иностранных активов, недвижимости, спортивных клубов и т.д. за рубежом.

Экономический рост в 2000-е гг. привел и к росту совокупных доходов населения, однако он не сопровождался снижением уровня их дифференциации. Более того, наблюдалась тенденция роста дифференциации доходов: по официальным данным Росстата, коэффициент фондов вырос с 14 (в 2001 г.) до 16,8 (в 2007 г.). В результате уровень бедности, исчисляемый в соответствии с наиболее часто применяемым международным стандартом (доля населения с доходами ниже 60% от медианного среднедушевого дохода), в России не только не снизился, но в рассматриваемом периоде вырос и был существенно выше, чем в странах Евросоюза, в том числе выше, чем в бывших социалистических странах и странах – бывших республиках СССР.

Высокий уровень бедности российского населения обусловлен, в частности, низкой оплатой труда и пенсионного обеспечения большинства работников. При этом в России в отличие от большинства других стран низкая оплата труда зачастую не определяется уровнем квалификации. Так, к числу видов экономической деятельности с самой высокой долей низкооплачиваемых работников относятся образование и здравоохранение, в

которых около 80% занятых имеют высшее или среднее профессиональное образование. На долю образования и здравоохранения приходится при этом почти треть всех низкооплачиваемых работников (по международным стандартам низкооплачиваемыми считаются работники, заработная плата которых не превышает двух третей от медианной заработной платы). Подобная ситуация, безусловно, приводит к девальвации высококвалифицированного труда, снижению качества образовательных услуг и медицинской помощи и является тем самым серьезным препятствием на пути модернизации российской экономики.

КОРРУПЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Выше уже отмечалось, что важная особенность авторитарных систем – высочайший уровень коррупции, снижающий темпы роста экономики и качество жизни большинства населения. Она обескровливает страну, высасывая из нее все больше и больше денежных средств и соответственно разнообразных ресурсов, используемых для обогащения власть имущих. Живучесть коррупции объясняется тем, что ее участниками являются прежде всего государственные чиновники и олигархи, имеющие серьезное влияние на характер и динамику институциональной системы и не допускающие ее модернизации (Овсиенко, 2005).

Форм обогащения чиновников в таких обществах достаточно много. Остановимся на основных. Самой «невинной» формой является взятка, которую чиновник получает за то, чтобы он без проволочки исполнил свою прямую обязанность – удовлетворение законных запросов граждан. Такие взятки дают чаще всего люди малообеспеченные. Поэтому размер каждой обычно невелик, однако их число может быть достаточно большим, как и нагрузка на каждого взяткодателя. В другой

форме взятка дается за то, чтобы чиновник выполнил требования клиента, противоречащие действующему законодательству. Например, чтобы он дал разрешение строить дома на детских площадках, выписал документы, позволяющие скрывать истинную величину доходов взякодателя и соответственно уменьшать базу налогообложения, присваивать природную и монопольную ренту, сокращать заработную плату работников и т.п. В этих случаях размеры каждой взятки могут быть огромными, достигая многих миллионов долларов.

Одним из наиболее крупных источников преступных доходов российской номенклатуры выступает государственный бюджет. Ни для кого не секрет, что смета затрат на большую часть работ, финансируемых государством, многократно превышает величину реальных издержек. Основу такого превышения составляют их принципиально новые элементы – так называемые откаты. Эти суммы не имеют никакого отношения к реальным издержкам, зато составляют весомую часть коррупционных доходов чиновников и бизнесменов, значительно превышающую размеры их легитимных доходов. Зато доходы налогоплательщиков падают, причем существенно.

Подобные манипуляции возможны лишь при отсутствии реального контроля над деятельностью чиновников, что позволяет им создавать неформальные институты, обеспечивающие получение и дележ коррупционных доходов. Во многом это объясняется тем, что руководящий персонал формируется по принципу «преданности вождю» и в число этого «персонала», естественно, часто попадают люди, не имеющие достаточных знаний, необходимых для эффективной деятельности. Но это, по-видимому, для руководства неважно. Преданный крупный чиновник или олигарх не подвергнется наказанию за свои коррупционные деяния, которые становятся главным источником их доходов. Однако если тот или иной чиновник или бизнесмен открыто не согласен с мнением вышестоящего начальства, но при этом исполняет все свои должностные

обязанности в полном объеме, его неминуемо ждет наказание.

Было бы большой ошибкой думать, что высшая власть не догадывается об этом. Ведь речь идет об астрономических суммах – сотнях миллиардов долларов ежегодно, и не заметить столь гигантских денежных потоков, утекающих на сторону, невозможно. Следовательно, напрашивается естественный вывод: деятельность преступного альянса чиновников и олигархов, сложившегося сразу же после поспешно проведенной приватизации, контролировалась и контролируется высшей властью со всеми вытекающими отсюда последствиями, не допускающими справедливой юридической оценки этих действий и наказания преступников. Нельзя не согласиться в этой связи с тем, что «не будет большим преувеличением сказать, что Россией управляют и владеют одни и те же люди» (Trenin, 2007).

Следует отметить и некоторые особенности деятельности российского бизнеса, наносящие прямой вред России и ее населению. Действительно, многие крупнейшие фирмы по существу российскими не являются. Они оформлены за пределами страны – в офшорах, и там же они платят налоги. Значит, общество несет существенные потери от этой деятельности, зато олигархи и чиновники выигрывают. А ведь большинство из них занимается такими формами бизнеса, как добыча минеральных ресурсов, вырубка лесов, вылов рыбы и других морепродуктов и т.п. с целью их экспорта, что сокращает объем национального богатства, нанося этим ущерб будущим поколениям россиян. Эти виды деятельности лишают нашу страну значительной части природной ренты, что негативно влияет на благосостоянии российского населения.

Отметим еще один весьма существенный элемент экономической деятельности российского бизнеса – вывоз капиталов. В принципе, перетоки капиталов из страны в страну – нормальное явление, но только в тех случаях, когда такие процессы имеют своим результатом экономический рост и повыше-

ние благосостояния населения. В России они направлены исключительно на обогащение чиновничьих и олигархических структур. Вывоз капиталов формируется главным образом из средств, получаемых от экспорта природных ресурсов. Следовательно, выходит, что страна экспортирует свои природные ресурсы, по существу, бесплатно.

Для иллюстрации приведем конкретный пример. В период благоприятной рыночной конъюнктуры в России за счет природной ренты образовался профицит государственного бюджета, который позволил собрать огромные средства от экспорта ресурсов и создать Стабилизационный фонд. Вопросы наивных людей, почему они не направляются на модернизацию отсталой экономики и повышение благосостояния населения, остались без ответа. Постепенно в среде специалистов начало складываться мнение, что этот фонд создавался совсем для другой цели. Главной задачей, которую поставила перед собой российская номенклатура, является не развитие и процветание общества, а ее собственное обогащение, поэтому и Стабилизационный фонд формировался для того, чтобы в подходящий момент его «распилили», поделили между собой и вывезли за границу высшие чиновники и бизнесмены.

И этот момент настал. Им оказался кризис. Олигархи обратились за помощью к государству и получили ее. В конце 2008 г. правительство подготовило Перечень системообразующих организаций России, имеющих стратегическое значение, в который вошли 295 компаний. Как ни парадоксально, но в этот перечень попали практически все компании, которые и с наступлением кризиса продолжали осуществлять прямые инвестиции за границу. Более того, они, по видимому, продолжали скупать иностранные активы и после получения финансовой помощи от государства. Так, в первом полугодии 2009 г. «Лукойл» потратил 1565 млн долл. на новые приобретения за рубежом и вложил еще 661 млн долл. в развитие ранее созданных заграничных дочерних фирм. «Газпром»

в феврале 2009 г. стал собственником 51% акций сербской фирмы НИС (инвестиции составили 560 млн долл.), а также увеличил свою долю в компании «Белтрангаз», заплатив 625 млн долл. Продолжили зарубежную экспансию «Северсталь», НЛМК и некоторые другие компании черной металлургии (Кузнецов, Четверикова, 2009).

Показательно также, что, по данным журнала «Форбс», число долларовых миллиардеров в России и совокупные размеры их капиталов за один только кризисный 2009 г. выросли примерно в два раза. К сожалению, нам недоступны данные о капитале высших чиновников. Думается, что среди них также найдется достаточное число долларовых миллиардеров.

Таким образом, российский кризис привел к резкому ускорению процесса обогащения высших чиновников и олигархов, которые, по сути, превратились в правящий класс. Они видят свое будущее не в России, откуда они черпают свои постоянно растущие нетрудовые доходы, а на благополучном Западе, где они имеют солидную недвижимость, банковские счета, где обучаются их дети, проживают их близкие и т.п. Уезжать из страны, которая позволяет им обогащаться неслыханными темпами, они пока не хотят, но на всякий случай всегда готовы к этому.

Но это лишь одна сторона коррупционной деятельности российской номенклатуры. Другая сторона – обеспечение устойчивости созданной ею социально-экономической системы. Вкладываются растущие объемы средств в развитие силовых структур, темпы роста которых превышают рост ВВП. Но и этого нашему руководству явно недостаточно. Оно намерено закрепить ситуацию, при которой темпы незаконного, но разрешенного властью обогащения номенклатуры, по крайней мере, не снижаются. Для решения этой проблемы она (номенклатура) интенсивно занимается созданием новых институтов, закрепляющих и расширяющих действующие в настоящее время принципы социальной несправедливости.

В качестве примера рассмотрим некоторые из принятых в 2000-е гг. и готовящихся к принятию новых институциональных норм.

1. Переход от прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц к практически не имеющей в мире аналогов плоской шкале, несомненно, еще более ускорил темпы обогащения богатых. При этом бедных, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, освободить от налогов не стали, хотя это общепринятое правило, действующее во всех развитых странах.

2. Установление крайне низкой ставки налога на доходы физических лиц по дивидендам (9%) также значительно отличается от практики других государств, учитывающих высокую концентрацию этого вида доходов у наиболее богатых граждан и соответственно устанавливающих для них существенно более высокую ставку налогообложения.

3. Поспешная законодательная фиксация минимальных сроков давности за крупнейшие экономические преступления. Известно, что приватизация – практически целиком преступный процесс, позволивший, с одной стороны, обогатиться будущим олигархам и чиновникам, провернувшим эти дела, а с другой – превративший большую часть населения в бедняков.

4. Ликвидация налога на наследство означает появление в России наследственной аристократии средневекового типа и способствует увеличению сверхконцентрации частной собственности, возникшей в результате приватизации. Теперь будущие алюминиевые магнаты будут носить фамилию Дерипаски. Никель будет добываться Потаниными, газ – Миллерами и т.д. Между тем в развитых странах налог на наследство также ликвидирован, но только для бедных. А для остальных он, как и подоходный, является прогрессивным, причем шкала прогрессии более высокая, чем у подоходного налога, поскольку считается, что наследник не участвовал в создании наследуемых ценностей.

5. Предложенная нынешним президентом России замена лишения свободы штрафами

для признанных виновными в экономических, в том числе коррупционных, преступлениях. Заметим, что в других странах такие преступления караются весьма жестко, вплоть до пожизненного заключения и смертной казни.

Таковы важнейшие направления деятельности, позволяющие чиновникам и бизнесменам значительную часть доходов общества превращать в собственные. Представляется, что именно коррупция воздвигла практически непреодолимый барьер на пути социально-экономической и научно-технической модернизации России. Этот главный барьер в государствах с социально несправедливыми институциональными системами порождает и многие другие барьеры вследствие искажения сути базовых институтов, осуществляемого все той же номенклатурой. Участие населения в процессе институциональных изменений и даже в их оценке не допускается. И, следовательно, никакого расширения прав и свобод личности не происходит. Скорее, наоборот. Вроде бы формально они были закреплены в Конституции, но на самом деле такие права человека, как равенство всех перед законом, свобода высказывать свою точку зрения, исчезают, поскольку противоречат законам неписаным.

Многие факты из жизни общества замалчиваются или искажаются. Идет назойливая и лживая пропаганда того, что население живет все лучше и лучше. Исчезают независимые средства массовой информации, которые вскрывают социальные язвы, экономические провалы и предлагают пути их преодоления. Отсутствует равный доступ к информации, вследствие чего значительная часть населения в течение длительного времени продолжает верить в обман, публикуемый официальными СМИ. Пропагандистская система превращает руководителя страны чуть ли не в идола для значительной части электората, которая часто голосует за него даже без особого давления. Если же его деятельность не нравится и избрание маловероятно, то результаты выборов грубо подтасовывают (вторые выборы Ельцина). А номенклатура превращается в безлико-

го руководителя общества, нацеливая его на решение своих задач.

Действующие в стране экономические институты извращают систему ценностных параметров, что приводит к возникновению ложных стимулов, изменяющих ориентиры социально-экономического развития. Еще одна особенность рассматриваемых институциональных систем заключается в том, что в их составе существуют принципиально неэффективные институты. В качестве примера можно указать институты, согласно которым формируются доходы различных социальных групп. В авторитарных обществах представители высших слоев обычно имеют доходы, существенно превышающие эффективность их трудовой деятельности. Яркий пример: доходы руководителей явно неэффективно управляемого российского государства многократно превышают те, которые получало руководство СССР в период экономического роста и повышения уровня жизни населения. Явно завышенные доходы имеют: высшие чиновники, ответственные за создание институциональной системы, сделавшей страну неспособной к сколько-нибудь серьезной модернизации и экономическому росту (так, Россия, в отличие, например, от Белоруссии, до сих пор не смогла достичь дореформенного уровня РСФСР) (см. (Иванов и др., 2010, 2011)); монополисты, число которых неуклонно растет; собственники предприятий, добывающих природные ресурсы; банкиры, по указке ЦБ устанавливающие ставки процента по депозитам ниже уровня инфляции, что повышает их доходы и одновременно лишает российскую валюту функции средства сбережения, а вкладчиков – части вложенных средств; торговцы, завышающие цены на товары с помощью создаваемой ими длинной цепочки посредников, и т.п. Кроме того, в институциональной системе закреплена и такой элемент неравенства, который позволяет за одно и то же действие назначать разные наказания людям разных социальных групп, а те, кто руководит формированием институциональной системы, практически вообще ненаказуемы.

УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ АВТОРИТАРНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Итак, условия существования авторитарных институциональных систем очевидны: прямое следствие государственной монополии на институты. Поскольку эти системы формируются исключительно властью, общечеловеческие ценности в них подменяются ценностями правящей группировки. Возникают естественные вопросы: возможно ли, чтобы модернизация подобных систем имела своим результатом более справедливое распределение доходов? Что необходимо сделать, чтобы переломить нынешние тенденции и начать движение к социально справедливой институциональной системе? Каковы причины неэффективности экономики?

Для ответа на них следует учитывать стимулирующую функцию социально справедливой институциональной системы, поскольку институты в ней формируются таким образом, чтобы наиболее привлекательными для любого участника – личности или организации – были такие формы поведения, которые были бы направлены одновременно на рост благосостояния каждого из них и процветание общества в целом. Это дает толчок к экономическому росту, повышению уровня жизни, формированию социально справедливой шкалы доходов различных групп населения. Однако в России в настоящее время социально-экономические тенденции иные – стремительная концентрация богатств в руках узкой группы чиновничества и предпринимателей. Такой процесс не присущ ни «социально ориентированной рыночной экономике» как объявленной цели реформирования, ни хозяйственному механизму «реального социализма» как отправной точке социально-экономической трансформации российского общества.

Наиболее очевидные причины, сделавшие возможными подобные тенденции,

закрываются, на наш взгляд, во-первых, в «обвальном» усилении коренных пороков дореформенной системы хозяйствования и, во-вторых, в появлении новых факторов, еще более усугубляющих ситуацию.

К первой группе можно отнести прежде всего закрытость от общественного контроля деятельности федеральной, региональных и муниципальных органов государственной власти, крупнейших производственных, торговых, финансовых организаций. Сейчас уже никто не может составить себе сколько-нибудь реалистичной картины социально-экономического положения страны. Кроме того, по-прежнему отсутствует ответственность высших чиновников и предпринимателей за результаты их деятельности. Они де-факто неподвластны действующим законам. А безнаказанность – главная движущая сила тотальной коррупции.

К факторам, проявившимся в ходе институциональных изменений, относятся такие, как хозяйственная разруха, а затем и примитивизация экономики, ее однобокая сырьевая структура вместо ожидавшегося оживления и подъема в духе «экономического чуда». Это стало следствием крайне упрощенных, преувеличенных представлений о действительных возможностях рыночных механизмов в авторитарной экономике, игнорирования необходимых мер, позволяющих извлечь пользу для общества из этих механизмов. Последние самодостаточны для эффективности и хозяйственного роста лишь в условиях, когда реально работает антимонопольное законодательство, деятельность всех органов государственного управления и бизнеса открыта для общественного контроля и одновременно закрыты все лазейки для получения нетрудовых доходов.

Создать такие условия может лишь государственная власть, обязанная по определению (и согласно конституциям цивилизованных стран, в том числе и России) защищать благополучие и права всего населения, каждого гражданина, а не каких-либо «элитных» социальных групп. Но для этого должны су-

ществовать реально работающие демократические институты. Нынешняя несостоятельность государства делает целью экономики обогащение доминирующих участников на ущербе, наносимом меньшим партнерам, экономике и обществу (прежде всего большинству населения), на фоне разорения именно передовых, высокопродуктивных хозяйств (т.е. наиболее опасных конкурентов для магнатов), вместо присущего нормальной рыночной экономике процесса постоянного отсева неэффективных способов и звеньев хозяйствования.

Шоковая либерализация до сих пор не окончена, поскольку доходы большинства населения все еще ниже дореформенных. Но она «освободила» в ряде постсоциалистических стран не созидательные потенции конкурентного рынка, но своеволие крупных хозяйственных организаций, доминирование в обществе узкой группы высших чиновников и бизнесменов-магнатов (включая главарей преступного мира). Вместо их подчинения императивам общественного блага произошло снятие ограничений в способах накопления богатства для упомянутой группы лиц, включая присвоение природной и монопольной ренты, средств налогоплательщиков (государственного и местных бюджетов), сбережений населения и его текущих доходов, завышение цен, возведение таможенных барьеров для устранения на внутреннем неконкурентном рынке конкуренции с внешним миром и т.п.

Сложилась ситуация, когда доходы «верхов» не зависят от экономической ситуации. Поэтому, будучи временщиками, власти не заинтересованы в экономическом росте, сокращении издержек, повышении эффективности производственной, финансовой и торговой деятельности. При этом источником их доходов часто является заведомый ущерб народному хозяйству и населению, они знаменуют процесс разрушения экономического потенциала общества, компрадорское ограбление страны. Капиталы большинства отечественных олигархов находятся за ее рубежами. При этом существенно снижается экономический по-

тенциал страны вследствие растущих темпов их вывоза.

Обвальное падение жизненного уровня породило снижение трудовой активности населения. Это не означает, что население не нуждается в росте и процветании экономики, но свидетельствует о фактическом отстранении большого числа граждан, обреченных на нищету и безработицу, от реального воздействия на определение курса социально-экономического развития.

Естественный вывод заключается в том, что в стране не сложились влиятельные социальные группы, готовые обеспечить модернизацию институциональной системы страны в направлении повышения социальной справедливости. Кровно заинтересованное в этом большинство населения лишено реального контроля над властью, дезориентировано и разъединено недобросовестной пропагандой. Самовозобновление социально-экономического прогресса в таких условиях едва ли возможно. Непременными его условиями являются коренное оздоровление государственной власти (для которого первым шагом должна стать идейная консолидация со всеми слоями населения на основе гуманистической, научно добротной концепции и программы), а также упреждающее экономический рост радикальное повышение благосостояния большинства населения посредством перераспределения доходов и капиталов, что напрямую рекомендует ООН для рубежа XX и XXI вв. в качестве важнейшего инструмента социально-экономической политики.

Перейдем теперь к анализу стратегических и тактических условий институциональной модернизации. Понятно, что для этого нужно, чтобы в России сформировались социальные группы, здраво оценивающие катастрофический характер российских преобразований и способные постепенно начать формирование такого социально-экономического механизма, при котором доход от деятельности любого участника экономического процесса, в первую очередь тех, кто олицетворяет власть,

мог повышаться лишь в том случае, когда он приносит пользу обществу, и лишь в объеме, не превышающем размера этой пользы. Данное условие не налагает запрета на процессы перераспределения, включающие как вычеты из высоких личных доходов, так и выплаты (доплаты) нетрудоспособным, временно неактивным группам, составляющим растущую долю населения в современном мире. Эти меры, диктуемые современным пониманием социальной справедливости, зачастую очень важны и для обеспечения нормального хода демографического и экономического воспроизводства, формирования человеческого капитала. Заведомо должны пресекаться лишь попытки наживы на деятельности, наносящей ущерб гражданам и обществу.

Для этого необходимо, как было показано выше, чтобы деятельность властных структур, их доходы и расходы находились под постоянным общественным (но не государственным!) контролем. В частности, население должно знать, какие богатства принадлежат нашим руководителям и за счет каких результатов их работы они приобретены. То же касается и богатства экономических субъектов, в первую очередь крупнейших собственников. Люди имеют право знать, каким путем они получены, какие таланты позволили это сделать, как все это повлияло на уровень общественного благосостояния (производство новых, более качественных и дешевых товаров, рост заработной платы, пенсионного обеспечения, создание рабочих мест и т.п.). Информирование общественности об источниках крупнейших личных доходов не следует профанировать в угоду враждующим организациям, кланам и т.п. (Последние сами подлежат, как минимум, обузданию, если не роспуску.) Наивысшие капиталы и доходы не являются неприкосновенными. Почтение американцев к своим Фордам и т.п. не помешало основательному налоговому выкачиванию (при ставках, доходивших до 90%) наивысших доходов физических лиц. Преимущества такого обложения состоят в том, что оно не угнетает хозяйственную деятельность. Не яв-

ляется аксиомой потребность в особо крупных частных (личных) капиталах. Социально опасна инверсия оценок: нельзя по масштабам присвоенного сделать заключение о высокой общественной полезности обогатившихся, тем более их наследников. Современная экономика по преимуществу основана на трастовом управлении «не своим» имуществом со стороны специализированных доверенных лиц и учреждений. Важно, однако, чтобы в обществе не было полностью обездоленных граждан, лишенных опоры для достойного образа жизни.

Важными мероприятиями стратегического характера могло бы стать создание условий, при которых личности, стоящие у власти, не справившиеся с решением задач социально-экономического реформирования, были бы достаточно быстро и безболезненно заменены. Но это требует создания политической конкуренции и условий для свободного волеизъявления граждан.

Общая направленность реформаторской деятельности тактического характера также достаточно ясна. Необходимо создавать правовые условия, при которых действия всех участников социально-экономического процесса, приводящие к нежелательным последствиям, получают соответствующую юридическую оценку. В первую очередь это касается деятельности высших чиновников и крупнейших хозяйственных администраторов.

Ближайшим тактическим мероприятием в этом направлении является установление жесткой взаимосвязи доходов руководителей всех уровней с доходами всех остальных лиц, состоящих на государственной службе. Нельзя изменить уровень зарплаты и пенсий какой-то одной категории людей, например парламентариев, министров, президента, не изменив ее одновременно и у всех работников бюджетной сферы³. Единственным способом

³ Однако уже сейчас размеры только процента заработной платы отечественных парламентариев превышают величину средней заработной платы по стране.

существенного повышения их дохода может быть продвижение по служебной лестнице и соответственно по разрядам таблицы о рангах. Повышение же общего уровня доходов всех государственных служащих должно происходить по мере экономического роста. Причем отношение высших доходов к низшим не должно превышать 6–8 раз. Это означает, что экономические мотивации государственных служащих будут тесно связаны с интересами населения и результатами развития экономики страны в целом.

Фактором, повышающим эффективность экономики, может стать стартовое выравнивание с помощью налоговой системы экономических условий функционирования фирм в добывающей, обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и др., а также путем полной ликвидации монопольных доходов, изъятия природной ренты и расширения дотационного финансирования таких сфер человеческой деятельности, как здравоохранение, образование, наука и т.п.

Чтобы ликвидировать возможность обогащения за счет инфляции, следует создать нейтральную систему денежного обращения, не вызывающую дополнительных денежных потоков и доходов, возникающих вследствие инфляции с тем, чтобы никто не мог ими воспользоваться (Овсиенко, Олевская, 1997). При этом свой индекс инфляции в зависимости от ее доходов и структуры потребления следует рассчитывать для каждой социальной группы. Наибольшее значение этот индекс будет иметь для беднейших слоев населения, в потреблении которых велик удельный вес товаров первой необходимости, неэластичных по цене, которая вследствие этого растет более высокими темпами по сравнению с ценами других товаров. Это позволит законодательно закрепить постоянную индексацию доходов всех категорий граждан по социально справедливым индексам инфляции каждой социальной группе населения и одновременно будет фактором снижения уровня дифференциации доходов.

Не менее важным нововведением должно стать создание реально функционирующего механизма защиты прав наемных работников (вместо существующих ныне профсоюзов – «школы коммунизма»).

Изложенное требует выработки ряда мероприятий, не противоречащих друг другу и общей цели реформирования. А это возможно только в условиях демократизации всей системы социально-экономических отношений, гарантии реализации неотъемлемых прав и свобод личности, включая свободу слова и волеизъявления. Однако тот факт, что большая часть подобных мероприятий, несмотря на их очевидную необходимость, не реализуется, как, впрочем, и само продвижение в направлении демократизации, заставляет усомниться и в возможности реализовать стратегии и тактики преобразований. Впрочем, их нереализация обусловлена именно «неестественностью» нынешнего социально-политического режима, господством антиобщественно ориентированных сил. Подлинно демократическое обновление ситуации прямо зависит от правдивой информации и концептуальной консолидации большинства народа, тяжело страдающего от проводящихся недемократических реформ.

Принятие рассмотренных выше социально несправедливых норм стало возможным в результате негативной трансформации политической ситуации России, которая характеризуется сейчас не только как авторитарный режим правления (президент и «президентская вертикаль»), но и доминирование в парламенте одной партии, полностью зависимой от исполнительной власти и отражающей интересы номенклатуры. Создание так называемого народного фронта дополнительно усилило влияние государства на результаты выборов. Таким образом, институциональные преобразования, осуществленные властями в постсоветский период, привели к тому, что образовались непробиваемые институциональные барьеры и на пути научно-технической модернизации, о чем свидетельствует история России, по сути, не сумевшей

за 20 лет создать в этой области практически ничего нового. Это привело к ускорению процесса технологического отставания России. Следовательно, социально-экономическая модернизация, направленная на повышение уровня социальной справедливости, в авторитарных обществах маловероятна. Значит, сомнительны и надежды на успехи модернизации и в научно-технической сфере.

Тем не менее темпы институциональной модернизации в стране были весьма значительны. Но ее результаты оказались совсем не теми, которые ожидало и население, и власти. Их можно оценить в целом как негативные, причем уровень социальной несправедливости оказался выше существовавшего в СССР. Можно назвать следующие наиболее значительные результаты. Во-первых, созданная система явилась основным фактором, сделавшим экономику страны неэффективной. Во-вторых, в стране до сих пор продолжается величайшее в истории человечества перераспределение доходов от населения в пользу номенклатуры. Доходы населения находятся ныне на уровне бедных стран, имеющих ВВП на душу населения в 4–5 раз ниже, чем в России. В то же время доходы номенклатуры поднялись до уровня, характерного для богатейших стран мира.

Эти результаты были предсказуемы уже с самого начала реформ, сразу же превративших большинство населения в нищих. Но нищие не способны эффективно трудиться, а номенклатура не желает отдавать обществу свои богатства, полученные преступным путем. Ситуация тупиковая. Если и дальше будет продолжаться тенденция: богатые богатеют, а бедные беднеют, то конец российского государства как автономного и равноправного члена мирового сообщества неизбежен.

Однако если бы целью институциональных реформ стало движение в направлении социальной справедливости, можно было бы не сомневаться, что коррупции будет нанесен жесткий удар, а создаваемая институциональная система превратится в мощный стимул социально-экономического прогресса. Но это возможно лишь при условии радикального

преобразования основополагающих институтов, реального превращения их в социально справедливые, а форму организации общества – в демократическую.

Литература

- Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Русаков В.П., Сухова Н.Н. Основные типы институциональных систем и особенности институциональной и социально-экономической динамики в СССР и постсоветской России. М.: ЦЭМИ РАН, 2008.
- Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Тихонов А.О., Ясинский Ю.М. Сравнительный анализ институциональной и социально-экономической динамики России и Белоруссии (1990-е годы) // Экономика и мат. методы. 2010. Т. 46. № 3.
- Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Тихонов А.О., Ясинский Ю.М. Сравнительный анализ институциональной и социально-экономической динамики России и Белоруссии (2000-е годы) // Экономика и мат. методы. 2011. Т. 47. № 3.
- Кузнецов А.В., Четверикова А.С. Российские транснациональные корпорации продолжают экспансию в условиях кризиса. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
- Овсиенко Ю.В., Олевская Е.М. О финансовых отношениях, нейтральных к инфляции // Экономика и мат. методы. 1997. Т. 33. Вып. 2.
- Овсиенко Ю.В. Институциональные барьеры российской модернизации // Экономика и мат. методы. 2005. Т. 41. № 2.
- Овсиенко Ю.В. Россия и СССР: институциональная динамика и поляризация доходов населения // Экономика и мат. методы. 2007. Т. 43. № 3.
- Суворов А.В. Доходы и потребление населения. Макроэкономический анализ и прогнозирование. М.: МАКС Пресс, 2001.
- Trenin D.V. Getting Russia Right. Washington: Carnegy Endowment for International Peace, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 09.06.2011 г.

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ АДАПТИВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ¹

К.А. Багриновский, М.К. Исаева

В предлагаемой работе представлены основные черты и методы адаптивного управления, которые отражают необходимость учета быстрого изменения условий функционирования объектов экономики России. Поставлена и обсуждена проблема согласования экономических интересов в рамках одной адаптивной организации. Рассмотрены также основные особенности применения указанных методов в условиях работы группы промышленных предприятий.

Ключевые слова: адаптация, самоорганизация, рекомбинация, дестабилизация, управление, согласование, производство, моделирование.

ВВЕДЕНИЕ

В биологии адаптацией называется эволюционный процесс, при котором организмы изменяют свою структуру и поведение, чтобы успешно противостоять воздействию окружающей среды. Установлено, что процессы адаптации в различных сферах подчиняются удивительно схожим закономерностям (Kauffman, 1995). В книге (Arrow, Pines, 1998) высказана идея, что адаптация – не просто процесс, свойственный биологическим системам, а выражение общего эволюционного процесса. И если мы поймем, каким образом встроена адаптация в биологические системы,

© Багриновский К.А., Исаева М.К., 2011 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (проект № 11-02-00227а).